

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94 (47)

Б.С. Токмурзаев

АГРАРНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СТЕПНОГО КРАЯ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Переселенческое движение в Сибирь в пореформенное время стало первым опытом организации массовых народных миграций, не связанных с исключительно военно-стратегическими задачами или исправительно-карательными нуждами. Со второй половины XIX в. расширяется географический ареал аграрной колонизации Сибири, когда в спектр миграционной активности населения вовлекаются новые земли южной степной полосы Западной Сибири. Выявление подходов центральной и региональной власти к освоению этих земель, с учётом народной колонизационной парадигмы, даёт возможность определения логики и результатов аграрной колонизации Сибири в целом.

Ключевые слова: аграрная колонизация; крестьянство; переселенческая политика; самовольные переселения; инородцы.

Отмена крепостного права в России не решила главного – аграрного вопроса, в связи с чем имперские власти в целях разрядки социальной напряженности в стране и преодоления крестьянского малоземелья обратились к поиску паллиативных вариантов урегулирования крестьянской проблемы. В череду мер, предпринятых в пореформенную эпоху, заметное место занимала организация переселенческого движения в Сибирь и главным образом в те её районы, которые в силу своей колонизационной ёмкости и подходящих для создания пашенного хозяйства условий отличались элементарным уровнем комфортности для главного субъекта колонизации – крестьянства.

Совершенно естественно, что первые потоки переселенцев направлялись в местности, территориально приближенные к европейской части страны: преимущественно в лесную и лесостепную зоны Западной Сибири, где из крестьян-мигрантов к началу 1880-х гг. обосновалось в Алтайском округе – 50% всей массы, в Тобольской губернии – свыше 40% прошедших за Урал [1. С. 119]. Наконец, часть выходцев из Европейской России начиная с середины 1870-х гг. направляется в степные области, где основными очагами земледельческой колонизации становились территории Акмолинской и Семипалатинской областей.

Земледельческая колонизация Степного края вписывалась в общую канву переселенческой политики Российской империи, отражая дискретность и логику как всего переселенческого процесса, так и имперской политики в отношении окраин.

Общеизвестно, что в первые пореформенные десятилетия государство практически не участвовало в организации переселенческого дела, полагаясь на достаточность внутренних резервов в деле урегулирования аграрного вопроса в центре страны. В качестве прямого свидетельства индифферентности государства к вопросам аграрной колонизации окраин служит переселенческое законодательство, впервые оконтурившееся только с принятием переселенческого закона в 1889 г. Косвен-

ным подтверждением того, что российское правительство долгие годы не связывало вопросы аграрной политики с колонизационными перспективами, служит отсутствие до 1885 г. каких бы то ни было статистических изысканий о различных сторонах переселенческого процесса: численном и половозрастном составе, районах выхода и водворения, материальной обеспеченности переселенцев. Во многом поэтому переселенческое движение продолжительное время реализовывалось вне государственной юрисдикции. Показательно в этом смысле замечание В.К. Плеве: «...Вековое народное движение упорно идёт своим путём и, как вода, не направленная в заранее проложенное русло, переполняет одни местности и обходит другие [2. С. 127]. В этой связи исследователи Сибири, размышляя о специфических чертах её колонизации, резюмировали, что «история переселенческого законодательства есть история самовольных переселений» [3. С. 96]. В результате к 1890-м гг. самовольное переселение в Сибирь достигло своего пика – 78% всего движения [4. С. 189].

Одним из важнейших следствий развития переселенческого движения как самовольного становилось его веерообразность, когда партии переселенцев в качестве районов расселения избирали ближайшие местности, а также близкие по природно-климатическим характеристикам к местам выхода. Немаловажную роль играла и принадлежность крестьянства к обществу традиционной культуры, в котором распространение информации, а также способы её интерпретации инициировали принятие решения о переселении в одну местность больших групп людей. Всё это приводило к весьма печальным последствиям и, в частности, быстрому сокращению сибирского колонизационного фонда.

Во многом поэтому уже с 1870-х гг. траектория переселенческих потоков смещается в направлении южной степной полосы Западной Сибири.

Важным фактором, определившим смену вектора переселенческого движения, стали военно-стратегиче-

ческие и этнополитические устремления России. Правительственная колонизация южных степных пространств, начавшаяся в XVIII в., уже к концу первой четверти XIX в. была в основном завершена. Стремительное продвижение русской оседлости на юг приводило не только к расширению колонизационных владений России, но и к формированию новых административно-политических центров империи, соответственно реализующих в районах колонизации имперские представления о роли и назначении окраин в составе Российского государства. Хорошо известно, что в этот период в обществе и власти жёстко дискутировался вопрос о путях развития окраин, в контекстных рамках которого конкурировали идеи сибирского сепаратизма (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин) и теория создания большой русской нации (М.Н. Катков). В данном отношении решение инородческого вопроса посредством русской гражданской (читай: крестьянской) колонизации представлялось крайне привлекательным.

Тем не менее в вопросе колонизации Степного края отчётливо присутствовали две позиции.

Так, например, будущий генерал-губернатор Западной Сибири, генерал-адъютант Н.Г. Казнаков, докладывал Государю: «Положение степных областей требует особенного внимания. Со времени принятия киргизами русского подданства успехи, сделанные ими в гражданственности, ничтожны. Попытки перехода к земледелию остались почти пока те, которые были введены Китайским правительством. Между тем, доколе киргизы будут одиноко совершать в пустынных пространствах степей огромные орбиты своих кочевков, вдали от русского населения, они останутся верноподданными лишь по названию и будут числиться русскими только по переписям. Сопредельные с ними по линии казаки, по малочисленности своей, не принесли делу обрусения киргизов ощутительной пользы, но сами научились поголовно киргизскому наречию и перенимали некоторые, впрочем, безвредные привычки кочевового народа» [5. С. LIX]. Далее у Усова встречается следующее замечание: «Проезжавшие по казачьей линии туристы, наблюдатели и ученые выносили впечатление о крайней бездеятельности, праздности, апатии и лени станичных жителей, особенно мужчин. Нелюбовью к неустанному труду объясняется нелюбовь к хлебопашеству» [6. С. 11].

Напротив, генерал И.Ф. Бабков, говоря о степной колонизации, настаивал на сохранении её военизированного характера: «Некоторые полагают, что обязательное заселение казаками представляет важное неудобство, что подобные переселенцы, обеспеченные на первое время, вместе их семьями, продовольствием от казны, с самого начала приручаются к лености и мало заботятся о хлебопашестве» [7. С. 25]. И далее: «Заселение Киргизской степи приняло характер искусственно-принудительный. Большие земледельческие колонии, вполне удовлетворившие военным целям, не мог-

ли развиваться в экономическом отношении. Естественное последствие последнего – постепенный упадок степных колоний» [Там же. С. 26].

Н.Г. Казнаков, уже в бытность свою генерал-губернатором, сознавая вполне, что казачий элемент в деле колонизации не имеет никакого культурного влияния, во Всеподданнейшем отчете поднял вопрос о необходимости заселения степных областей русскими переселенцами-крестьянами, причем писал, что осторожное, без стеснения кочевового населения водворение внутри степей оседлого населения, частое общение русского населения с киргизами и наглядный пример, более удобный в жизни, представляют единственное средство, могущее смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа [6. С. 12].

Идейное противоборство, сложившееся по вопросу аграрной колонизации Степного края, в частности свободных земель Акмолинской и Семипалатинской областей, не могло не наложить отпечаток на характер и содержание переселенческого процесса. Несогласованность мнений и действий генерал-губернаторской власти и местной администрации серьёзно амортизировало процесс аграрного освоения региона. Показательно размышление исследователя вопроса В.А. Остафьева: «Первые поселенцы в Акмолинской области появились при генерал-губернаторе Казнакове и губернаторе Цытовиче. Цытович не был приверженцем заселения степных областей крестьянами и, если допустил переселенцев на крестьянские земли, делал это ограниченно, для пробы. Заступивший на место Цытовича губернатор Ливенцов был решительным противником расселения крестьян на киргизских землях» [Там же. С. 9]. Этот различный взгляд, по мнению Остафьева, загубил и затормозил дело колонизации степи, начатое Н.Г. Казнаковым [Там же].

Логика местной администрации в организации колонизационного процесса наиболее наглядно выражалась в практических действиях. Губернатор Ливенцов в ответ на просьбу 272 крестьянских семей разместить их на избранных участках отказал, мотивируя это тем, что переселенцами были выбраны лучшие места, входящие в круг инородческих кочевий и расположенные в значительном удалении от тракта, что выведет крестьян из поля зрения местной администрации [6. С. 10–11]. Подобная точка зрения крайние формы приобрела в начале 1880-х гг., когда генерал-губернатор Степного края Колпаковский категорично заявил, что Акмолинская область не может быть заселена русскими поселенцами, потому что здесь нет пригодных для аграрного освоения земель, а если и есть, то они целиком и полностью принадлежат киргизам, хорошо приспособленным к местным условиям [Там же. С. 11].

Фактически, после этих заявлений, официальная колонизация свободных земель Акмолинской и Семипалатинской областей была приостановлена. Вышел целый ряд предписаний, строжайше запрещающих «вторжения в пределы края бродячих масс переселен-

цев» [6. С. 12]. О том, насколько строгими являлись меры, принимаемые администрацией, можно судить, например, по тому, что самовольных переселенцев, обосновавшихся в Кокчетавском уезде в 1871 г. на арендованных киргизских землях, пришлось выдворять в три приёма. Уездным начальником было арестовано имущество переселенцев, крестьянский начальник вместе с посланными казаками разбирает переселенческие хаты и печи [Там же. С. 14]. Столь же показательны и сведения о «фантомных» переселенческих посёлках, возникших без ведома администрации. Во время губернской ревизии 1884 г. в Акмолинской области, Петропавловского уезда, урочища Мусина, властями была обнаружена целая русская деревня в несколько десятков домов по берегу Ишима. Оказалось, что вопреки запретам эта деревня существовала уже более десяти лет. Деревня была признана губернатором де-факто и получила говорящее наименование «Явленная» [Там же. С. 13]. Во время губернаторской ревизии в Семиреченской области, в момент объяснения местного чиновника по поводу нарезанных земель и отсутствующих переселенцев, на горизонте появились несколько стариков без шапок около стола с хлебом-солью, которые, по всей вероятности, ожидали начальство. Несмотря на недовольство генерал-губернатора, факт существования населённого пункта («Фортунка»!!! – *Б.Т.*) вновь был признан [Там же. С. 19].

Подобные прецеденты, с одной стороны, становились дополнительным поводом к активным действиям властей, направленным на прекращение самовольной колонизации, поскольку каждая ревизия, как правило, завершалась изданием циркуляров запретительного характера. Однако, с другой стороны, крестьянские представления о переселениях, своих правах на земельный надел редко совпадали с правительственным пониманием существа этого процесса, что инициировало дальнейший рост переселенческого движения. По замечанию А.В. Пешехонова, масштабы крестьянских переселений определялись не столько правительственными соображениями, сколько «стихийным потоком хозяйственной жизни земледельцев, в которой есть свой «царь», и этот «царь» беспощаден [8. С. 112].

К разряду наиболее существенных причин, побуждавших крестьян реализовывать свои переселенческие настроения, относились: неопределённость и множественность условий, регламентировавших выход крестьян из общества, предельно забюрократизированный способ выдачи разрешений на переселение и водворение, отсутствие полной и объективной информации о переселенческом движении. Проведённые в начале XX в. опросы переселенческих партий показали, что из всех крестьян, решившихся на переселение, лишь 4,8% воспользовались правительственными разъяснениями [9. С. 73]. Народное недоверие к официальным источникам информации ограничивало возможности представителей государственной власти вести разъяснительную работу в крестьянской среде, что способство-

вало превращению переселений в хаотический, мало поддающийся логическому анализу процесс. Один из исследователей переселенческого движения в Сибирь, А. Омельченко, писал по этому поводу: «Наше переселение носит какой-то вулканический характер: то Курская губерния выбросит из себя тысячи человек, то Вятка и Пермь, посылая сначала тысячи в Сибирь, через год не могут выделить нескольких десятков» [4. С. 188]. По определению А.А. Кауфмана, переселение часто принимало «стихийный, почти эпидемический характер, когда с места снимались сотни и тысячи семей, для которых передвижение в Сибирь не было вызвано разумной необходимостью и сознательным расчётом» [10. С. 62].

Кроме того, игнорирование юридических ограничений переселенческого движения в Степной край, где русское население приходило в контакт с автохтонами, было окрашено и в сугубо этнические тона. Переселенец как основной субъект колонизации, попадая в новую этническую среду, приносил с собой собственные представления о мироустройстве, отношениях, праве, собственности, сформированные на родине. Русская государственность, с её ярко выраженной вотчинной философией, не могла не наложить соответствующий отпечаток на сознание своего народа [11. С. 168].

В русском крестьянском сознании всегда была жива память о владении землёй и праве ею безраздельно распоряжаться. Исследователи взаимоотношений русского и инородческого населения Степного края верно отмечали: «Переселенческая масса смотрит на вольные киргизские земли как на свою собственность, омытую кровью дедов, а потому немудрено, что новосёлы относятся к киргизам, как к пасынкам» [Там же. С. 169].

Подобное отношение было точно схвачено писателем XIX в. С. Карониным (Петропавловским) в художественно-публицистическом произведении «Как и куда они переселялись». Инициатор переселения Ершов рассказывал крестьянам о Сибири и коренных жителях буквально следующее: «Хлеба там вволю, в реках рыбу руками бери... только православных нет, а всё киргиз <...>. Как же с ним, с собакой, совладаешь? <...>. «Киргиз – он ничего, киргиз – он честный. Если ты его попоишь чайком, он тебе лугу отвалит» [12. С. 366].

Важно отметить, что этнические амбиции русских поселенцев на рубеже XIX–XX вв. амортизировались патерналистскими действиями центральных и региональных властей, когда последние более упорядоченно относились к земельным экспроприациям, проводя изъятие земель не у оседлых, а у кочевых инородцев, выплачивая им соответствующую компенсацию. Так, сведения об образовании переселенческого участка Тахта-Куль в 1898 г. содержат следующую информацию: «За вошедшие в площадь участка зимовые стойбища киргизов... выдать владельцам денежное вознаграждение, согласно оценочному акту... в сумме 445 рублей» [13. Л. 5].

Не менее важным фактором, определившим рост темпов и размеров переселенческого движения в области Степного края, вопреки правительственным запретам, стали реальные экономические достижения мигрантов в регионе. В необычайно коммуникативной крестьянской среде информация о хозяйственных успехах, часто приукрашенная, распространялась невероятно быстро, тем более что основания для оптимизма у потенциальных переселенцев в Степной край действительно были. В частности, по данным В. Остафьева, оперировавшего данными, собранными в ходе обследования переселенческих посёлков К.Р. Качоровским, экономический рост крестьянских посёлков в Акмолинской области, несмотря на первоначальную нищету дворов, являлся поразительным и резко бросающимся в глаза [6. С. 21]. За семь лет, с 1884 по 1890 г., благосостояние крестьян восьми посёлков Акмолинской области выросло в 3–4 раза. Несмотря на голодные 1891–1892 гг., как свидетельствует статистика, двух лет крестьянам оказалось достаточно для восстановления пошатнувшихся хозяйств [Там же. С. 22].

Достижения переселенцев в земледельческих местностях Степного края значительно скорректировали соотношение сил противоборствующих сторон по вопросу перспектив аграрной колонизации региона. По констатации В.А. Остафьева, быстрые успехи и экономический рост переселенцев степных областей нару-

шили вековую традиционную нелюбовь к сохе ленивого, апатичного киргиза-номада и не менее ленивого казака, чего тщетно добивалась администрация в течение десятков лет разными проектами и мерами при колонизации степи казаками. Крестьянская колонизация степи принесла громадную культурную пользу, разобив кочевников с казачеством, влиявших на них крайне деморализующим образом, познакомив при этом номадов с оседлым населением и оседлым образом жизни [6. С. 60].

Подводя общие итоги, необходимо отметить, что в процессе колонизации степных областей Западной Сибири центральные и региональные власти продолжительный временной отрезок действовали, ориентируясь на сложившуюся по отношению к восточным окраинам страны политическую традицию, для которой было характерно сдержанное отношение к крестьянской переселенческой инициативе. Значительную трудность представляло собой диаметрально противоположное прочтение цели и задач колонизации южной степной полосы, высшей губернской и местной региональной бюрократией. Во многом только благодаря эффективности переселенческого движения, главную роль в котором играло крестьянство великорусских губерний, удалось преодолеть этот конфликт, что открыло широкие перспективы по заселению и аграрному освоению региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минжуренко А.В. Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977.
2. Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991.
3. Вопросы колонизации. 1914. № 14.
4. Чуркин М.К. Переселения крестьян Черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006.
5. Список населенных мест по сведениям за 1876 г. Сост. секр. по стат. Сиб. каз. войска. Усов Ф.Н. Омск, 1877.
6. Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. Омск, 1877.
7. Бабков И.Ф. Общий взгляд на устройство поселений в Северо-Восточной части киргизской степи // Императорское Русское географическое общество 1869 г. Т. V, № 1, 2.
8. Пешехонов А.В. Земельные нужды деревни // Русское богатство. 1903. № 11.
9. Материалы для изучения быта переселенцев, водворённых в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х гг. XIX в. по 1893 г.). М., 1895.
10. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.
11. Чуркин М.К. Взаимоотношения переселенцев и старожилов Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. в природно-географическом, социально-психологическом, этнопсихологическом аспектах : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2000.
12. Каронин С. (Петропавловский). Куда и как они переселялись // Крестьянские судьбы (рассказы русских писателей второй половины XIX века. М., 1986.
13. Государственный исторический архив Омской области. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3.

Tokmurzaev Bakyt S. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: nat.proff.om@yandex.ru

AGRARIAN COLONIZATION OF THE STEPPE REGION IN THE FRAME OF THE STATE MIGRATION POLICY IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES.

Keywords: agrarian colonization; the peasantry; migration policy; unauthorized migrants; foreigners.

The author focused on the problem of migration movement in the agricultural areas of the Steppes of Western Siberia, concerning the state regulation of the colonization process of the second half of XIX – early XX centuries. The starting point of the research was the Great Reform of 1861 year which gifted liberty to peasants but did not cope with the agrarian problem in Russia. The incompleteness of such conversions stimulated migration mobility of the agricultural contingent that largely raised the activity of the central and regional bureaucracies to develop a program to subdue the eastern (borderlands), as well as the adoption of the resolutions regulating the colonization process which were displayed in the legislative and circular work. On the substantive aspect, migration to the Steppe Region (mainly to Akmolinsk and Semipalatinsk Oblasts) coincided with the general outlines of migration to other parts of Western Siberia – Tobolsk and Tomsk Provinces. However, in this process there were also a number of specific points. Firstly, the development of the southern steppe zone of Western Siberia started later and was of great strategic and military importance for the Russian Empire, which was realized in the active work of the administrative structures of the region and added a lot of powers to the local bureaucracy. Secondly, within the Steppes, Russian population was constantly in contact with the indigenous so that it required the government to participate actively in the consideration of the issue of migration. During the incorporation of the steppe territory with the Russian Empire, the prin-

ciples of migration policy underwent constant modifications. The conflict between the higher central and the regional bureaucracy caused to constant and rigid discussion concerning feasibility of organizing the migration process within the boundaries of the Steppe Governor-General (Governorate General). At the same time, the vast majority of the Siberian institutions and agencies aggressively lobbied the idea of limiting and terminating of the migration movement in the Steppe Region. However, the migration movement itself was structured and developed mostly out of the state regulations. In the peasant community, direct or indirect restrictions relating to migrations and initiated by the representatives of the authorities, were either ignored or interpreted as a direct guide to implement their own migration motives. The reason for migration was the letters of those who had already moved beyond the Urals, as well as unchecked information distributed within the peasant community via informal channels. Thus, in many aspects the state regularly faced the facts of unsanctioned, unauthorized migration, and was compelled to recognize it post factum. Real economic achievements of migrants, who equipped in the agricultural districts of the Steppes Region, were of great importance to modify the state migration program.

REFERENCES

1. Minzhurenko A.V. *Pereselencheskaya derevnya Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.*: dis. kand. ist. nauk [The settlers' village in Western Siberia in the late 19 – early 20th centuries. History Cand. Diss.]. Tomsk, 1977.
2. Ostrovskiy I.V. *Agrarnaya politika tsarizma v Sibiri perioda imperializma* [The agrarian policy of Tsarism in the imperialistic Siberia]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 1991. 331 p.
3. *Voprosy kolonizatsii*, 1914, no. 14.
4. Churkin M.K. *Pereseleniya krest'yan Chernozemnogo Tsentra Evropeyskoy Rossii v Zapadnyu Sibir' vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migratsionnoy mobil'nosti i adaptatsii* [The migration of peasants from the Black Earth Center of European Russia to Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: the factors determining migration mobility and adaptation]. Omsk: Omsk State Pedagogical University Publ., 2006. 375 p.
5. Usov F.N. *Spisok naselennykh mest po svedeniyam za 1876 g.* [The list of settlements in 1876]. Omsk, 1877.
6. Ostaf'ev V. *Kolonizatsiya stepnykh oblastey v svyazi s voprosom o kochevom khozyaystve* [The colonization of steppe regions and the problem of nomadic economy]. Omsk, 1877.
7. Babkov I.F. *Obshchiy vzglyad na ustroystvo poseleniy v Severo-Vostochnoy chasti kirgizskoy stepi* [The general view of the settlements in the Northeast part of the Kirghiz steppes]. *Imperatorskoe Russkoe Geograficheskoe Obshchestvo*, 1869, vol. 5, no. 1, 2.
8. Peshekhonov A.V. *Zemel'nye nuzhdy derevni* [The land needs of the village]. *Russkoe bogatstvo*, 1903, no. 11.
9. *Materialy dlya izucheniya byta pereselentsev, vodvorennykh v Tobol'skoy gubernii za 15 let (s kontsa 70-kh gg. XIX v. po 1893 g.)* [Materials for the study of the life of migrants in Tobolsk Guberniya for 15 years (from the late 1870-s till 1893)]. Moscow, 1895.
10. Kaufman A.A. *Pereselenie i kolonizatsiya* [Migration and colonization]. St. Petersburg, 1905.
11. Churkin M.K. *Vzaimootnosheniya pereselentsev i starozhilov Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. v prirodno-geograficheskom, sotsial'no-psikhologicheskom, etnopsikhologicheskom aspektakh*: dis. kand. ist. nauk [The relationships of migrants and Old-Believers in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries in the natural and geographical, socio-psychological and ethno-psychological aspects. History Cand. Diss.]. Omsk, 2000.
12. Karonin S. (Petrovskiy). *Kuda i kak oni pereselyalis'* [Where and how they migrated]. In: Lebedev Yu.V. (ed.) *Krest'yanskie sud'by (rasskazy russkikh pisateley vtoroy poloviny XIX veka)* [The fate of peasants (short stories by Russian writers of the second half of the 19th century)]. Moscow: Sovremennik Publ., 1986. 511 p.
13. The State Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). Fund 355. List1. File 3. (In Russian).